

Вадим Аристов

Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи

Принято считать, что завершение летописи, продолжающей *Повесть временных лет* в списках *Ипатьевской* группы, произошло в Выдубицком монастыре. Этот летописный труд известен под именем *Киевского свода* (далее — *Ксв*), а саму летопись, в нем отраженную обычно называют *Киевской летописью* (далее — *КЛ*). Именно летописание, ведшееся в Киеве на протяжении XII в. стало фундаментом *Ксв*. Такой образ *КЛ* естественно возникает при чтении ее текста и уверенно закрепился в историографии.

Общее признание летописи киевской, а свода выдубицким, тем не менее, соседствует с мнениями об отражении в *Ксв* летописных традиций различных регионов Руси и разных центров летописания в самом Киеве. Существует много вариаций на тему того, какие именно региональные летописные традиции отразились в *Ксв* и какой монастырский летописец внес большой вклад в формирование текста *КЛ*. В сравнении с *общим знанием* о киевском характере летописи и выдубицком происхождении свода все эти взгляды много более гипотетичны. В целом, представление об истории *КЛ* выглядит как ядро — общее знание — и периферия — разной степени обоснованности гипотезы, детализирующие его. Противоречивое соотношение «общего знания» и «периферии гипотез» о *КЛ* образует проблему, которую можно озвучить так: где писалась *КЛ* и где впервые записывались сообщения о событиях, отраженных в ней?

Идея полицентризма летописания (как в общем на Руси, так и в Киеве в частности), по-видимому, восходит к концепции К.Н. Бестужева-Рюмина, поддержанной А.А. Шахматовым и развитой его последователями. До сего времени замечаем попытки ученых представить *Ксв* как архив летописания чуть ли не всей Киевской Руси. Характерно, что речь идет именно о несохранившихся, гипотетических, традициях XII в. (галицкой, переяславской, черниговской, а возможно, смоленской и полоцкой). Что касается центров летописания в самом Киеве, то в шахматовской традиции устойчиво мнение о значительной роли Печерского монастыря: в середине — второй половине XII в. киевское летописание якобы велось в этой обители, особенно при игумене Поликарпе.

Отношение к *Ксв* как к архиву спровоцировало мнение, что источники *КЛ* (различные княжеские летописцы и провинциальные летописи) можно без особых трудностей изымать из текста летописи. Наследуя манеру мышления Бестужева-Рюмина, некоторые ученые (например, Б.А. Рыбаков) впоследствии довольно легко и уверенно обращались с реконструированными источниками *КЛ* — так будто эти летописцы и летописи непосредственно нам даны. В результате, заинтересованный читатель получал набор гипотетических текстов, а собственно реальный текст *КЛ* как бы переставал существовать, распадаясь на эти многочисленные структурные единицы. Представляется, что следовало бы вернуться назад и восстановить примат реального текста над его предполагаемыми источниками и попытаться разобраться в самих возможностях вынесения суждений о них.

Одним из ключевых вопросов истории киевской летописи является вопрос о ведении летописания в Печерском и Выдубицком монастырях. От него мы и оттолкнемся в данном исследовании и к нему же вернемся в конце. Решение вопроса является задачей, открывающей более серьезное исследовательское задание. Оно заключается в установлении происхождения известий *КЛ* (и, в конечном счете, древнерусских летописей вообще), чему и посвящена данная работа. Для этого мы должны рассмотреть критерии определения происхождения сообщений. Очертим кратко эти критерии, применяемые в литературе. Происхождение сообщения может определяться по самоидентификации автора в тексте или привязке содержания сообщения или их серий к определенным реалиям (монастырь, князь, город, княжество/регион). Большое значение имеют упоминания деталей и точная датировка событий. Наряду с этим важно выяснение временной дистанции между событием и первым письменным рассказом о нем. Рассмотрим эти критерии последовательно.

1. Самоидентификация автора с монастырем или храмом, указание автора на самого себя, а также присутствие личных местоимений и форм глагола первого лица. В *КЛ* есть три случая употребления глагола в первом лице, возможно, указывающие на автора. Впрочем, они не поддаются однозначной интерпретации.

На один из них, в статье под 1171 г., обратил внимание еще Н.И. Костомаров¹. Летопись сообщает о перенесении тела умершего князя Владимира Андреевича для погребения в Андреевском монастыре. Для этого в Вышгород были отправлены два игумена: печерский Поликарп и св. Андрея Симеон:

¹ Костомаров Н.И. *Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории*. СПб., 1861, 39–40.

Того же лѣта исходача престависа кнѣзь Володимиръ . Андрѣвичъ . мѣца генвара въ . ки . и привезоша Вышегороду . Фешдоровы недѣли в патокъ . бѣ бо лежалъ не погребенъ . нѣколико днѣвъ и посла Глѣбъ кнѣзь . игумена . стѣна Бѣа Перьскаго монастыра . Поликарпа . и Семевна игумена стго Андрѣа . до Вышегорода вела има доправити . Володимира . до Киева [вставка о Владимире Мстиславиче; летописец ведет две сюжетные линии: похороны князя и дела его семьи] [...] мы же на прѣднее възвратимъса . наоутрѣа же в субботу поидохомъ с Володимиромъ из Вышегорода . Дѣвдъ же кнѣзь не поустити . кнагинѣ с мужемъ до Киева . ре^а ей како та могу ѣтры пустити . а пришла ми вѣсть ночьюъ вже Мьстиславъ въ Василевѣ . а дружинѣ его ре^а а кому васъ годно а идеть . вни же рекоша ему кнѣже ты самъ вѣдаеша что есмы издѣвали Кианомъ . а не можемъ ѣхати избыють ны . игумень же ре^а Поликарпъ . кнѣже се дружина его не ѣдутъ с нимъ . а пусти своеѣ дружины нѣсколько нѣ кто ни конь доведа . ни стага донеса . Дѣвдъ ре^а того стагъ и чѣтъ съ дшѣю . ищѣла но ре^а что ти попове Мѣнчъскыи . и игумени . чьрнцы . попове Киане съ блгодарениемъ съ блгохвалными пѣ^ами . положиша и въ монастыри въ стмъ Андрѣи . мѣца феврала . въ . еі . днѣ въ первую недѣлю поста . в субботу (*Ипат.*, л. 195–195 об.)

Описывая событие, летописец оперирует глаголом первого лица «поидо-хом». В *КЛ* это уникальное место. Для *Повести временных лет* авторские ремарки от первого лица не редкость. А.А. Шахматов, следуя своей идее о печерском летописании XII в., без особых усилий признал авторство Поликарпа². Позднее по этому же пути пошел Б.А. Рыбаков, отстаивая идею печерского летописания³. Однако, сам Костомаров небезосновательно считал, что автор как раз не Поликарп, а Симеон, поскольку в данном рассказе о Поликарпе идет речь в третьем лице⁴. М.Х. Алешковский также признавал авторство Симеона и интерпретировал сообщение в духе своей идеи об Андреевском монастыре как центре киевского летописания⁵.

Впрочем, обе точки зрения не бесспорны. Игумены явно отправлялись не одни. Об этом говорится в самом сообщении: «[Давыд] ре^а что ти попове Мѣнчъскыи . и игумени . чьрнцы . попове Киане [...] положиша [...]». Получается, что в составе делегации, возвращавшейся в Киев, кроме игуменов (причем необязательно только двух упомянутых по именам), были клирики церкви Бориса и Глеба в Вышгороде («мученические»), чернецы (вероятно из нескольких монастырей), некие другие священники киевских храмов. Кроме того, с ними была княгиня и дружина покойного князя (которую Давыд не пустил в Киев).

2 Шахматов А.А. *Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* М., Л., 1938, 70–71.

3 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».* М., 1972, 48–53.

4 Костомаров Н.И. *Лекции по русской истории.* Часть первая, 39–40.

5 Алешковский М.Х. *Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси.* М., 1971, 46–47. Ученый считал, что из Андреевского монастыря происходил Василий, редактор *ПВЛ* 1119 г. К такому выводу Алешковский приходил на основании двух фактов: внимания редактора к легенде об апостоле Андрее и наличия целой серии известий об этом монастыре в редакторском тексте *ПВЛ*, т.е. отразившемся в *Ипатьевской* летописи.

Автором сообщения (если автор действительно участвовал в перенесении) теоретически мог быть кто угодно из этой разнородной публики. Шансы Поликарпа, Симеона, а может и выдубицкого монаха, практически равны. Последнее допущение также усиливает впечатление, что сообщение о перенесении тела князя из Вышгорода в Киев в нынешнем его виде появилось только при составлении *Ксв.*

Во-первых, оно не относится к общему тексту *Ипатьевской* и *Лаврентьевской* летописей (*Ипат.–Лавр.*), что уже заставляет подозревать его более позднее происхождение⁶. К общему тексту относятся только несколько фраз в начале и в конце сообщения *Ипат.*, которые в сумме дают единое сухое анналистическое точно датированное известие. Во-вторых, оно содержит характерные стилистические особенности, присущие текстам составителя свода (обилие «речей», внимание к практике крестоцелования, употребление фразеологизмов — «никто конь доведа, ни стяга донеса»). То есть, участником перенесения и автором данного текста вполне мог быть будущий выдубицкий монах, который и составил свод.

Наконец, не исключено, что знаменитое в историографии место вообще не несет в себе свидетельств авторства. В списках *Хлебниковском* и *Погодинском* вместо формы первого лица (*поидохом*) читается аорист 3 лица мн. — *поидоша*⁷.

Второе и третье сообщения, на которые обратил внимание А.П. Толочко⁸, помещены в *Ипат* под 1151⁹ и 1173¹⁰ гг. В статье 1151 г. содержится «поговорка Изяслава» о том, что не место идет к голове, а голова к месту. По словам летописца, Изяслав сказал «слово то . акоже и переж слышахомъ». Кем мог быть этот, слышавший, летописец, между тем, остается только гадать. Как указал А.П. Толочко, «поговорка» книжного происхождения (из *Пчелы*). Ее мог придумать, немного переделав образец, начитанный князь. Но вот кто ее слышал, и непосредственно ли от князя или в пересказе одного из княжичей типа Петра Бориславича (о нем см. ниже) — вопрос вряд ли разрешимый. Фрагмент с «поговоркой» лежит вне общего текста *Ипат.–Лавр.* Между тем, иные схожие выражения с употреблением слова «голова»¹¹, находятся как внутри, так и вне общего текста. Фрагмент с «поговоркой» равным образом мог появиться и при составлении *Ксв* и на предшествующей стадии редактирования киевской летописи. Даже если поговорку от князя слышал

6 О важности общего текста для изучения *КЛ* см.: Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки). *Palaeoslavica* XIII, 1 (Cambridge, Mass., 2005), 21–80.

7 Благодарен А.П. Толочко, обратившему мое внимание на этот факт.

8 Толочко А. Поговорка Изяслава Мстиславича. *Ruthenica*. Т. 9. К., 2010, 158–160; Толочко А. «Слышахомъ преже трѣи лѣтъ». *Ruthenica*. Т. 10. К., 2011.

9 *Ипат.*, л. 159 об.

10 *Ипат.*, л. 200.

11 Их отметил А.П. Толочко: Толочко А. Поговорка Изяслава Мстиславича, 159–160.

более ранний автор, о его социальном происхождении (княжий муж или осведомленный монах) судить сложно.

В сообщении под 1173 г. говорится о знамени в Новгороде, которое «слышахомъ преже трѣи лѣтъ». Однако сообщение дает еще меньше зацепок для идентификации летописца. Более того, весь крупный фрагмент, к которому оно относится, мог вообще не быть киевского происхождения. Фрагмент преимущественно посвящен церковной и политической истории Суздальского княжества («делу» Федорца, походу Андрея Боголюбского на Новгород и др.). Он относится к общему тексту *Ипат.–Лавр.* Причем в *Лавр.* он расположен на том участке, который вполне мог отражать уже не киевское (как в части до второй пол. XII в.), а суздальское летописание¹².

КЛ не содержит, в отличие от *ПВЛ*, отражающей яркую печерскую идентичность одного из летописцев, явной идентификации с Печерской обителью¹³. Более того, можно указать на свидетельства ведения киевского летописания (по крайней мере, в первой половине XII в.) именно вне Печерского монастыря¹⁴.

2. Косвенная идентификация с монастырем или храмом посредством частого упоминание или особого внимания. В большинстве исследований киевского летописания XII в. (вероятно, по традиции, идущей от Шахматова) тезис о существовании печерского летописания зиждется на одном главном аргументе: частом упоминании и пристальном внимании к монастырю и его игумену Поликарпу (которого и считают ответственным за летописание обители в XII в.)¹⁵.

Действительно, Печерский монастырь упоминается чаще остальных — в 15 сообщениях. О монастыре св. Федора — 12 упоминаний, 8 — о Выдубицком, о монастыре св. Андрея — 6¹⁶. Вместе с тем, упоминания Печерского монастыря богаче в контекстуальном плане. Можно условно выделить пять контекстов, распределение количества сообщений по которым, согласно нашим подсчетам, выглядит так:

1) смена игуменов (смерть, поставление) — 3,

12 Можно также отметить схожесть выражений в двух указанных употреблениях первого лица: «... переж слышахомъ» и «слышахомъ преже...». Случайность ли это? Свидетельство ли единого авторства или наследования манеры предшественника? Опять таки, ответить невозможно.

13 Даже в тех случаях, где употреблено выражение «отец наш Феодосий», оно является частью прямой речи Ростислава (статья 6676 г.).

14 Под 1128 г. в *Лавр.* содержится запись: «В се лѣѣ . преѣша цѣркъ Дмитриа Печеране . и нарекоша ю Петра . съ грѣхо^ѣ велики^ѣ . и неправо». Эта запись не только не печерская, она написана в духе резкого осуждения печерян. Данного сообщения нет в *Ипат.*, однако вполне возможно, что оно не попало в окончательный текст *Ксв.* Поскольку весь основной текст *Лавр.* на этом участке, без сомнения, восходит к киевскому летописанию, можно предполагать, что именно в нем изначально находилось известие о «грехе» печерян. И это, киевское, летописание не было печерским.

15 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 52–53.

16 Мы не имеем в виду просто количество упоминаний названий монастырей. Речь идет именно об отдельных сообщениях (за разные годы или не связанных между собой сюжетно в рамках одного года), в которых само название может употребляться и несколько раз.

- 2) погребение князей и описания благодеяний в пользу монастыря — 2,
- 3) междукняжеские отношения и военные действия — 5,
- 4) встречи князей при вступлении в город, другие торжественные события — 3,
- 5) случаи из жизни отдельных лиц (князья, епископы), связанные с монастырем — 2.

Сообщения, упоминаящие другие монастыри, преимущественно кратки или находятся в составе более крупных рассказов. Однако есть случаи, когда рассказы о событиях в монастыре самостоятельны и весьма пространны, а также когда определенной обители наряду с другими уделено особое внимание. Применительно к Печерскому таких случаев пять (против одного у Выдубицкого — в завершении летописи). Эти «печерские сообщения» таковы:

1156 г. — рассказ о смерти новгородского епископа Нифонта в Печерском монастыре и его предсмертном видении;

1158 г. — сообщение о дарении земли монастырю дочерью Ярополка Владимировича;

1168 г. — рассказ о желании Ростислава Мстиславича постричься в Печерском монастыре и о его «беседах» с Поликарпом;

1170 г. — особое сожаление о разорении монастыря при взятии Киева коалицией князей;

1182 г. — рассказ о трудном выборе игумена после смерти Поликарпа.

Действительно, в *КЛ* заметно повышенное внимание к Печерскому монастырю и игумену Поликарпу. Но само по себе это не свидетельствует о ведении летописания в Печерском монастыре. «Печерские сообщения» не образуют устойчивой серии и представляют собой фрагменты иных сюжетов, принадлежащих составителям свода (см. ниже). Полагают, что выдубицкий автор должен был уделять большее внимание своему, а не соседнему монастырю. Собственно, почему же? По общему убеждению, *Киевский свод* составлен в Выдубицком монастыре, хотя сведений о нем значительно меньше, чем о Печерском. И это вполне может быть отражением особой роли Печерского монастыря в жизни Древней Руси и отношения к нему в других киевских обителях.

Иллюстрацией интереса к Печерскому монастырю у соседей может служить рассказ об избрании нового игумена в статье 1182 г. Это сообщение несет признаки выдубицкого происхождения¹⁷. Сообщения о печерских событиях в *КЛ* могут быть непечерскими по месту записи. Следовательно, и выделенный выше критерий определения происхождения сообщения оказывается ненадежным.

Упоминание Поликарпа также не защищает от сомнений в непечерском происхождении «печерских» известий. Поликарп находился в близком знакомстве с Ростиславом (см. статью 1168 г.), и особые отношения князя к Печерскому монастырю объясняют повышенный интерес к нему составителей

17 Толочко А. О заглавии «Повести временных лет». *Ruthenica* 5 (2006), 250–251.

Ксв, лояльных к семье Ростислава и его сына Рюрика. По существу, указанные выше сообщения о Печерском монастыре представляют собой эпизоды семейной истории Ростислава, тем самым «лоббируя» Рюрика, патрона Выдубицкого монастыря¹⁸.

В целом, нет причин считать «печерские сообщения» неестественными для выдубицкого свода. Избитые аргументы вроде «почему выдубицкий автор не вставил в летопись историю своего монастыря» или «почему не изъять печерские сообщения своего предшественника» основаны не на наблюдениях над фактами, а на их отсутствии. Они (аргументы) исходят из априорного убеждения в том, что должна представлять собой монастырская летопись. Этот образ «полюемической» летописи покоится, скорее всего, на предубеждении о киевских монастырях как конкурентной среде и летописцах как писателях современной эпохи, борющихся за аудиторию. Но ведь ничего подобного об отношениях Выдубицкого и Печерского монастырей мы не знаем, а умозрительные суждения о конкуренции обитателей являются, по-видимому, модернизацией.

3. Лояльность князю или княжескому дому/внимание к князю или княжеской семье. И в этом случае позиция А.А. Шахматова послужила примером для исследователей. Они пытались уловить в летописном тексте положительное или отрицательное отношение к тому или иному князю, дабы определить пристрастность автора. Исходя из полученных результатов, можно было судить о месте, а иногда и времени записи определенной информации. После трудов Д.С. Лихачева тезис о политической ангажированности летописцев и обслуживании ими интересов князей¹⁹ стал общим местом, явно или скрыто присутствующим в работах ученых. Политическая лояльность как критерий выяснения происхождения сообщений достиг абсолютизации у Б.А. Рыбакова. Ученый разделил текст летописи на участки, описывающие правления разных киевских князей и предположил, что чуть ли не при каждом князе трудился «свой официальный летописец»²⁰.

Заметим, что Б.А. Рыбаков, как и другие исследователи, апеллирующие к пристрастности летописцев, не отделял собственной инициативы летописца как причины «прославления» (или, скорее, позитивного освещения деятельности) князя от прямого княжеского заказа. Все покрывалось общим понятием «официальное летописание»²¹. Подразумевалось, что летописание

18 На то, что окрашенные этим «лоббизмом» фрагменты появились не раньше составления целого свода, указывает исследование Флорана Мушара (см. в настоящем издании).

19 Лихачев Д.С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.; Л., 1947, 181–197.

20 Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 26–29.

21 На сложность употребления понятия «официальная история» обращал внимание Бернар Гене (Гене Б. *История и историческая культура средневекового Запада*. М., 2002, 382–383). Важно разграничение ученым истории «официальной» и «официозной». Вторая, хотя и была вдохновлена властями, не признавалась таковой в открытую. Первая же могла не быть явно заказной, но использовалась властями и тиражировалась как «принятая» история.

ХII в. (за редким исключением) заказное, и в то же время летописцы сами по себе политически ангажированы²². Между тем, само использование термина «официальная историография» по отношению к древнерусским памятникам очень спорно.

Большая популярность политико-идеологического критерия определения происхождения сообщений²³ контрастирует с обоснованностью его применения. Анализ политических пристрастий летописцев позволяет подвести базу под разнообразные текстологические гипотезы — в этом одна из причин его успеха. Впрочем, рамки избыточно положительного отношения к князю, за которым скрывался бы «особый источник», неясны. Как кажется, исследователи исходят из убеждения, что «нормальной» позицией летописца была оппозиционность к власти, лояльность же есть следствием особого заказа. Если принять во внимание все примеры «положительной» оценки действий князей в *КЛ*, то ее текст распадется на лоскуты-выдержки из источников, по количеству почти равные количеству князей.

Примечательно, что вне историографии шахматовской традиции (а иногда и в ее рамках), тезис об идеологичности летописных текстов всегда воспринимался с известной долей скепсиса, а решающая роль политической ангажированности оспаривалась²⁴.

Остается без ответа вопрос, почему книжник должен был благоволить только к одному князю или княжескому дому. И почему лояльность князю определенной земли должна определять происхождение текста и автора. Как мыслили книжники политическое устройство Руси: в образе территориальных образований («земель») или в образе княжеских кланов (чьи столы не обязательно совпадают с како-либо «землей»)?)²⁵ Если где-то обнаруживается хорошее отношение к суздальскому князю (Андрею Боголюбскому или его брату Всеволоду), означает ли это, что данное сообщение происходит из

22 Например, см.: Рыбаков Б.А. *Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»*, 172–173.

23 См. недавно: Шеков А.В. Заметки о черниговском летописании ХII в. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2008, № 33, 106–114.

24 Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие*. К., 1878, 173–174; Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания (окончание). *ИОРЯС*, 1922. Т. XXVII. Л., 1924, 232–235; Еремин И.П. «Повесть временных лет» как памятник литературы. *Литература Древней Руси*. М.; Л, 1966, 53, 60–64; Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов. *Источниковедение отечественной истории*. 1975 год. М., 1976, 88–89; Кузьмин А.Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977, 46; Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? *Журнал «ФИПП» (факультета истории, политологии и права РГГУ)*. № 1 (2). М., 1998, 9–11; Данилевский И.Н. *Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов*. М., 2004, 37–38; Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. *Из истории русской культуры*. Том I. М., 2000, 473; Толочко А. О времени создания Киевского свода «1200 г.». *Ruthenica* 5 (2006), 86; Толочко А.П. *Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста* [Ruthenica. Supplementum 2]. К., 2009., 52–53.

25 Ср. наблюдения А.П. Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., К., 2005, 294.

суздальского летописания? Если киевская летопись внимательна к галицким событиям, означает ли это, что за текстом стоит особая галицкая летопись?

Вопрос оценки летописцем событий и лиц неоднократно поднимался в литературе. Обсуждение вопроса оставляет мало места для свободного оперирования критерием лояльности летописца. Достаточно вспомнить исследования И.П. Еремина и И.Н. Данилевского, которые доказывали наличие различных оценок в текстах одного летописца применительно к одним и тем же лицам и сходным событиям, а также вообще неполитическую (религиозную, эсхатологическую) основу для оценки, которая могла доминировать над сиюминутной конъюнктурой.

Показательным может быть оценка дерзких поступков Андрея Боголюбского в 1174 г. в отношении младших князей Мономахова племени. «Андрѣи же князь толикъ оумникъ сы . во всихъ дѣлѣхъ . добль сы и погуби смыслъ свои . и невоздержаниемъ . располѣвса гнѣвомъ» (л. 203 об.). В одной фразе присутствует и позитивная оценка, и осуждение. Это еще раз подтверждает мысль И.П. Еремина, что один и тот же персонаж под пером одного и того же летописца мог оцениваться по-разному в соответствии с разными деяниями.

Единственной группой сообщений, которая может свидетельствовать об отражении особого источника, следящего за действиями определенного князя, является группа сообщений середины XII в. (на участке 1146–1154 гг.), особо внимательных к Святославу Ольговичу. Специальное исследование вопроса Т.Л. Вилкул²⁶ выявило, что эта группа сообщений, «вплавленная» в текст *Ксв* и полностью отсутствующая в общем тексте *Ипат.–Лавр.*, могла быть основана на синхронных записях в кругу князя. Сообщения выделяются деталями о семейных делах князя (например, сведения о рождении дочерей, что нечасто можно встретить в *КЛ*), датировками событий (на указанном участке текста *КЛ*, отсутствующего в *Лавр.*, более половины датировок связаны с событиями, в которых участвует Святослав Ольгович), использованием специфической лексики, пик которой приходится именно на фрагменты с известиями о Святославе Ольговиче (выражение «в то же веремя», с помощью которого в текст вводятся отдельные сообщения).

Но свидетельствует ли все это о ведении в XII в. черниговского летописания? Как могли выглядеть записи о Святославе Ольговиче в оригинале? Т.Л. Вилкул отметила, что они напоминают итинерарий, что-то вроде «ловов и походов» Мономаха. Эта идея представляется довольно продуктивной. Действительно, читая сообщения «лишнего» текста *Ипат.* о Святославе Ольговиче, складывается устойчивое впечатление, что события из жизни князя записывались, чуть ли не по ходу его многочисленных перемещений.

26 Вилкул Т. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського літопису XII ст. *До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя*. Т. II. К., Львів, 2004, 63–74.

Далеко не все записи на промежутке 1146–1154 с участием Святослава точно датированы и не все концентрируются на его действиях. Если приглядеться внимательно, можно выделить узкую группу записей. С одной стороны, они точно датированы (чаще святочное датирование и указание на день недели). С другой — они связаны исключительно с взаимоотношениями Святослава и Юрия Долгорукого. Первой такой записью можно считать запись о смерти Иванка Юрьевича, посланного Юрием Долгоруким в помощь Святославу в конце 1146 (мартовского) года. Событие датировано с удивительной точностью: 24 февраля, понедельник Масляной недели, в ночь. Можно предположить, что именно это событие и стало поводом ведения записей. Первая запись должна была зафиксировать точную дату смерти молодого князя, находящегося далеко от дома, ведь до его погребения прошло бы немало времени. Следующая запись вносится уже через полтора месяца — 4 апреля 1147 г. Дальнейшие датированные записи (еще одна 1147, одна 1148, три 1149, три 1151) посвящены или важным событиям в семье и окружении Святослава (рождение дочери, выданье другой дочери замуж, смерть «княжьего мужа») или встречам Святослава с Юрием. После 1151 г. такие записи не прослеживаются.

В каком виде могли сохраняться и пополняться такие записи?²⁷ Записи могли заноситься на последние, пустые, листы книги (или приложенные к ней листы), постоянно находящейся при князе. Например, это могла быть Псалтырь. Упомянутый Мономах, как известно, «в печали» открывал именно Псалтырь, бывшую под рукой в дороге. В случае Святослава Ольговича записи мог заносить и не сам князь, но человек очень близкий к нему, например, духовник.

Другим, и возможно более вероятным,местилищем записей Святослава Ольговича могло быть Евангелие. К такой мысли склоняет то, что Евангелия, особенно апракосы, содержали Месяцесловы, располагавшиеся в конце книг²⁸. Последние, пустые, листы Евангелия после Месяцеслова тем более подходили как место записей, если первая из них, о смерти Иванка, была задумана как запись для поминания²⁹. В дальнейшем заметки продолжались на свободном листе (или листах) рукописи, пока место в рукописи не закончилось. Такие записи могли быть скорее похожи на анналы, чем на тот пространный рассказ, который ныне читается в летописи. Последний был, скорее всего, составлен только в *Ксв* на основании имеющегося каркаса.

27 Отвечая на этот вопрос, во многом опираюсь на консультации Ярослава Затылюка и Катерины Кириченко.

28 В отличие от евангелий-тетр, именно апракосы обычно содержали месяцесловы, нередко полные (каждодневные). Подробнее см.: Лосева О.В. *Русские месяцесловы XI–XIV вв.* М., 2001, 28–30.

29 Осторожно предположим, что такая аккуратность записи смерти умершего в походе молодого князя могла кроме всего прочего объясняться «предусмотрительностью» на случай посмертных чудес и необходимости прославления, а в перспективе и канонизации.

Кратковременная личная летопись или, точнее, спонтанно возникший тематический «дневник», нетождествен «местной летописи». А ведь записи Святослава Ольговича — единственная не вызывающая сомнений группа сведений, так или иначе связанная с Черниговской землей или черниговскими князьями. Таким образом, признавая существование своеобразного «личного летописца» Святослава Ольговича, мы отрицаем существование регулярной местной черниговской летописи в XII в.

Как такие личные записи могли попасть в *Ксв*? М.Д. Приселков в свое время подчеркивал внимание, уделяемое составителями *Ксв* Игорю Святославичу (сыну Святослава Ольговича)³⁰. Он выделял серию сообщений о семейных делах Игоря и считал их отражением некоего «летописца Игоря». Ученый, также отмечая внимание летописи к Святославу Ольговичу, считал «летописец Игоря» продолжением «летописца Святослава», и оба вместе — примером семейного летописания в Древней Руси.

На поверку не все оказывается так просто. Почти все известия о семейных делах Игоря (за вторую половину XII в.) не имеют точных дат и отсутствуют в общем тексте *Ипат.–Лавр.*, в то время как другие подобные сведения в *Ипат.–Лавр.* (да и дополнительном тексте *Ипат.*) обычно датированы. Сей факт наводит на мысль о ретроспективном характере этих известий, когда сводчик мог восстановить только год, но не дату. Следовательно, хотя прямых доказательств существования «летописца Игоря» и нет, внимание к князю³¹ и сбор информации о нем вряд ли оспоримы. По причинам только угадываемым (например: Игорь был в близком родстве с Ростиславичами; его сестра была женой Романа Ростиславича, а его сын Святослав был женат на Ярославе Рюриковне) составители *Ксв* могли интересоваться личностью Игоря и именно через него или приближенных к нему лиц получить Псалтырь или Евангелие его отца.

Следует еще раз подчеркнуть, что предполагаемый Летописец-дневник Святослава Ольговича скорее является исключением, да и то не подтверждающим существование развитого областного летописания в Черниговской земле.

4. Тематика сообщений и детализация: характер событий, регион, город, лица, точные хронологические показания, местные подробности. В свое время К.Н. Бестужев-Рюмин, разрабатывая свою концепцию свода, предполагал ведение летописей чуть ли не в каждом крупном городе и княжестве Руси³². Его манеру перенял А.А. Шахматов. По этому принципу определял происхождение сообщений и А.Н. Насонов, специально исследовавший южнорусское летописание. Например, сообщения о переяславских епископах,

30 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, гл. 2.2.

31 Показательно замечание Приселкова о характеристиках иных князей по отношению к Игорю: например, «сват Игорев», «шурин Игорев».

32 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV века.* СПб., 1868, 1–69. См. также: Иконников В.С. *Опыт русской историографии.* Том 2. Кн. 1. К., 1908, 438–538.

особенно оснащенные точными датами, ученый считал переяславскими записями. Наоборот, киевскими записями в общем тексте *Inam.*–*Лавр.* он считал те, где не упомянуты переяславцы или речь идет о политике киевского князя³³. Между тем, исследователь был не вполне последователен в своей аргументации. Если взглянуть шире, окажется, что не только «переяславские», но и «киевские», а точнее, нейтральные или т.н. «общерусские», известия в *Лавр.* зачастую исправнее, нежели в *Inam.* Сравним, например, серию записей за 6629–6632 гг. Известия о знамениях, пожаре, черниговском и юрьевском епископах и другие в *Лавр.* имеют точную датировку и содержат некоторые подробности в отличие от *Inam.* Тем не менее, подозревать здесь черниговскую или юрьевскую редакцию нет оснований. Видимо, текст *Лавр.* исправнее сохранил киевский источник, изначально содержавший точные даты.

Конечно, топографические детали Переяславской земли, отраженные в *Лавр.*, и общая окраска излишних в сравнении с *Inam.* фрагментов (добавочная информация о князьях Переяславля, например, Ярополке Владимировиче) могут действительно отражать работу переяславского летописца. Но это не означает, что в Переяславле развивалось самостоятельное регулярное летописание. Указанные особенности могли появиться в результате простых добавлений поверх киевского текста, т.е. в ходе одномоментной редакции. Иными словами, если переяславский период в истории бытования летописных текстов (*ЛВЛ* и его киевского продолжения, отраженного в *Лавр.* до 1160-х гг.) выглядит небезосновательной гипотезой, то идея самостоятельного переяславского летописания — слишком оптимистической.

Те же приемы Насонов применял и в исследованиях ростово-суздальского летописания. Записи, где упоминался Ростов и ростовская церковь, он относил к ростовским, записи с упоминаниями Владимира и местных церквей — к владимирским. Между тем, применяя эту методику к *КЛ* видно, насколько она ненадежна. Следуя ей, пришлось бы, разлагая каждый большой нарративный фрагмент на упоминания того или иного крупного центра, топографических деталей или церквей, предполагать большое количество местных летописаний. Надо признать, что в этом отношении со времен Бестужева-Рюмина изменилось мало. Кроме того, здесь чувствуется предубеждение о широкой распространенности летописания или, по крайней мере, естественности ведения летописи. Это, видимо, не так³⁴. Летописи возникали в особых случаях и при особых обстоятельствах. Нельзя вывести формулы, по которой каждый крупный политический центр Руси обязан был бы иметь собственное летописание.

Место происхождения информации неравнозначно месту первой письменной фиксации. Маловероятно, чтобы летописец в Киеве не знал о событиях

33 Насонов А.Н. *История русского летописания. XI — начало XVIII века.* М., 1969, 83–87.

34 См. также: Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов. *Источниковедение отечественной истории.* 1975 год. М., 1976, 88–89.

в Чернигове или Галиче, особенно имея контакты с непосредственными участниками событий. Также трудно представить, чтобы информацию о событиях из иных земель он получал преимущественно в письменном виде. Степень информированности киевских летописцев, в том числе, о деталях происходившего, нельзя недооценивать. Информаторы могли доносить точные даты и даже дни событий, а также местные подробности (топонимы, имена людей). «Черниговские», «галицкие» или «полоцкие» известия необязательно попали в *КЛ* из провинциальных летописей.

С какой социальной средой следовало бы связывать ведение летописей? Писали ли их только духовные лица или летописи³⁵ могли вести светские люди, даже бояре? Свидетельствуют ли точные (указание дня и времени суток) хронологические показания об участии автора записи в событии, а, следовательно (при описаниях походов, например), о его светском статусе? Попробуем раскрыть данную проблему на примере текстов, традиционно приписываемых частью ученых Петру Бориславичу³⁶.

В тексте *КЛ* особенно выделяется участок с 1146 до 1154 г. включительно. Здесь практически отсутствуют короткие заметки анналистического типа. Зато именно тут в описаниях княжеских походов и перемещений имеется удивительно много точных хронологических указаний («на ночь заоутра же в среду», «въ четвержьнии же днь переже слнца», «свитающю же патьку» и др.). Так, под 1151 г. в описании одного из эпизодов борьбы князей за Киев находим описание событий более чем целой недели, расписанное по дням недели. Оговоримся, что в целом указания на время суток не всегда свидетельствуют о синхронной письменной фиксации, а иногда, напротив, указывают на позднее припоминание. В то же время указание на дату дня — признак синхронной записи о событии³⁷. Однако в данном случае, утверждать о позднейшем припоминании было бы определенной натяжкой. Точные хронологические показания встречаются и в других местах летописи. Но всюду, кроме указанного участка *КЛ*, они заметно реже и, вероятно, действительно воспроизведены по памяти или происходят из кратких анналистических записей. Тут же видим некую системность.

Точно датированные нарративные фрагменты 1146–1154 гг. входят в общий текст *Ипат.–Лавр.*, т.е. были вставлены в летопись не при составле-

35 Не все исследователи полагают на основу *КЛ* именно летопись/летописи. Н.Ф. Котляр считает главной разновидностью исторического текста «воинскую повесть» (Котляр М.Ф. *Київський літопис XII ст. Історичне дослідження*. К., 2009, 6–50 (тут же историография вопроса). Однако суть дела это не меняет, поскольку ученый фактически заменяет повестями то, что другие исследователи считали летописями.

36 Рыбаков Б.А. *Петр Бориславич и «Слово о полку Игореве»*. М., 1991, часть II.

37 Обстоятельства события (весна, осень, вечер, утро, церковный праздник) запоминаются гораздо лучше, чем число дня, и могут воспроизводиться по памяти через десятилетия после самого события. Следует учитывать и то, какие группы населения в древнерусское время могли хорошо ориентироваться в числах и церковном календаре.

нии *Ксв*, а в середине XII в. В *Лавр.*, впрочем, они отражены не полностью. В *Лавр.*, например, в упомянутой недельной росписи событий под 1151 г. отражены события только части дней, тогда как в *Inam*. — роспись полная. Данные фрагменты используют набор клише, среди которых особо показательно «*оутрии же дни*», используемое практически в каждом из них³⁸. Каково же происхождение записей? То, что они имелись в общем киевском источнике *Inam.*–*Лавр.*, означает, что записывались они вряд ли позже, чем через два десятка лет после самих событий (см. ниже). Вспомнил ли дни недели настолько точно очевидец-информатор летописца через двадцать лет? Или очевидец был постоянным информатором летописца (т.е. пространные описания заносились в летопись или отдельную тетрадь после каждого очередного события)? Или участник событий вел краткие «дневниковые» записи, а позже они были в один прием интегрированы в летопись (так же, как записи Святослава Ольговича)³⁹? Два последних ответа выглядят достаточно правдоподобно; решать точнее нет возможности.

Еще К.Н. Бестужев-Рюмин, развивавший идею Н.И. Костомарова, замечал, что «биография Изяслава» (так ученый называл это обширное сказание длиной в восемь лет и размером в одну треть всей *КЛ*) была написана светским лицом, приближенным князя⁴⁰. Одним из первых опроверг эту мысль И.П. Хрущев, считая, что княжеского «соратника, военного человека мы здесь не видим», зато подробности походов от этих самых соратников мог узнать и записать духовник⁴¹. Все исследователи, считавшие Петра Бориславича летописцем, развивали, по сути, идею Бестужева-Рюмина. Нам же кажется, что прав скорее Хрущев.

Петр Бориславич упомянут как герой двух весьма детальных рассказов (особо выделяется второй, где подробно освещены обстоятельства смерти Володимирка Володаревича) о посольских миссиях от Изяслава Мстиславича к Володимирку Володаревичу в 1152 г.⁴² Однако, ничто не свидетельствует прямо, что он сам вел летопись, а не просто был информатором.

Сюжеты с Петром не связаны прямо с теми фрагментами текста, где имеются точные хронологические показания, а представляют собой самостоятельные завершённые истории⁴³. В них отсутствуют характерные для

38 Это и другие клише («на ту же ночь», «ста ту на ночь») встречается по всему тексту *КЛ*, но именно на данном участке особенно густо.

39 И.П. Хрущев склонялся к этому решению, называя краткие, точно датированные, путевые заметки «памятями», см.: Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие*, 177.

40 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV века*, 79–80.

41 Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие*, 176–177.

42 Не берем в расчет еще одного упоминания о Петре и его брате Несторе под 1169 г. Братья повздорили с Мстиславом Изяславичем, после чего, «отпущенные» им, пустились клеветать на князя Ростиславичам.

43 Так, Хрущев считал только рассказы о посольствах несомненным «отрывком мемуара» Петра Бориславича (Хрущев И.П. *О древнерусских исторических повестях и сказаниях*, 181).

рассказов 1146–1154 гг. точные подневные росписи событий и присущие им языковые клише. В отличие от них, повествования о Петре вовсе не отражены в общем тексте *Ипат.–Лавр.*, т.е., по-видимому, попали в летопись только в конце XII в. Показательна частотность упоминания имени Петра в этих сюжетах и полное отсутствие указаний на Петра во всех остальных точно датированных текстах 1146–1154 гг. Это недвусмысленно указывает на разное происхождение сюжетов с Петром и окаймляющих их, точно датированных, рассказов о событиях. Создается впечатление, что о Петре рассказывает кто-то другой. Если фрагментам, упоминающим Петра, искать аналогии, то они отыщутся в *ПВЛ*, и это будет рассказ о Яне Вышатиче под 1071 г. (борьба Яня с волхвами на Белоозере). К счастью, в *ПВЛ* сохранилось признание летописца, что он записывал со слов Яня. В противном случае мы бы (как и в случае с Петром) представляли себе самого Яня летописцем. Увы, составитель *Ксв* не проговорился о своих беседах с Петром. В свете выше сказанного логичнее видеть в Петре Бориславиче не летописца, всего лишь информатора составителя *Ксв*.

Все эти нехитрые соображения заставляют поставить под сомнение или, по крайней мере, очень осторожно отнестись ко всем идеям о местном летописании, якобы существовавшем и сохранившемся лишь в *КЛ*: галицком, черниговском или каком-то еще. Точно так же сомнительным выглядит широкое распространение практики писания летописей в кругу грамотных и приближенных к князьям лиц.

5. Время составления рассказов. Вопрос о происхождении записей *КЛ* имеет и временное измерение. Какая временная дистанция отделяла описываемые события от первой письменной фиксации? Была ли информация записана по горячим следам (на протяжении не более года-двух), в анналистической манере, или она была восстановлена по памяти по прошествии многих лет?

Тексты *КЛ* неоднородны. В ней явно присутствует анналистическая составляющая. Она представлена короткими, большей частью точно датированными, записями, простирающимися по всему протяжению летописи. Они, вероятно, фиксируют погодную, анналистическую основу киевского летописания XII в.⁴⁴ Такие записи, заносившиеся по горячим следам, не могут служить для датирования каких-либо крупных этапов в летописной работе.

Основное в тексте *КЛ* — обширные нарративные пассажи. Исследователи, признающие существование «своего летописца» у каждого следующего князя, вынуждены признавать, что нарративная составляющая нарастала долго и не в один-два приема. В литературе вопроса зачастую отмечают подробности при описании событий. Их наличие должно означать близость автора (и не только

Причем ученый, как видно, не зачислял Петра в летописцы, а лишь признавал за ним авторство «воспоминания».

44 Об анналистических записях в *КЛ* см.: Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы. *Литература Древней Руси*. М.; Л., 1966, 98–131.

территориальную, но и хронологическую) к событию. Это, в свою очередь, узаконивает идею множества политически ангажированных летописцев. Но насколько детальным должен быть рассказ, или какими качествами он должен обладать, чтобы однозначно признать его синхронным? Вопрос, требующий не столько строгого ответа, сколько постоянного звучания в лаборатории исследователя.

Нарративная составляющая *КЛ* уверенно делится на две группы текстов. Одна из них (1) — тексты, написанные/вставленные при составлении *Киевского свода*. Вторая (2) — фрагменты, отраженные в общем тексте *Ипатьевской* и *Лаврентьевской* летописи, что прекрасно показала Т.Л. Вилкул.

(1). Еще М.Д. Приселков обращал внимание на характерные формулы, присущие некрологам князьям дома Ростиславичей и связывающие их с «речью Моисея», завершающей *КЛ*⁴⁵. Наблюдения В.Ю. Франчук над лингвистической структурой *КЛ* дали возможность полнее определить тексты, попавшие в летопись при составлении свода⁴⁶. В частности, исследовательница выделила значительный пласт «высокой лексики», присущей «речи Моисея» и многим панегирическим или некрологическим отступлениям в основном тексте *КЛ*. Специальное исследование техники создания панегириков провел А.П. Толочко⁴⁷, что продемонстрировало идеологические основания клиширования в данном типе летописных текстов. Фрагменты, имеющие в своем составе хронографические вставки или ориентированные на хронографические образцы (преимущественно *Александрию*), также, по всей вероятности, принадлежат перу составителей свода и относятся к концу XII в.⁴⁸ Например, показательной выглядит крупная вставка из *Александрии* (а именно из присоединенной к ней статьи «О рахманех»⁴⁹) в предсмертной молитве Давыда Ростиславича под 1197 г.⁵⁰ А текст последних статей *КЛ*, в числе которых статьи 1197–1198 гг., без сомнения написан тем книжником, который составлял весь свод⁵¹.

45 Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, гл. 2.2.

46 Франчук В.Ю. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении.* К., 1986, 15–50.

47 Толочко А.П. Похвала или Житие? (между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании). *Palaeoslavica* VII (1999), 26–38.

48 Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки). *Palaeoslavica* XIII, 1 (2005), 67–69, 76–79. О датировании свода началом XIII в. см.: Толочко А.П. О времени создания Киевского свода «1200 г.», 73–87.

49 Предполагается, что *Александрия* была доступна авторам *Ксв* не отдельно, а уже в составе *Хронографа* (типа *Иудейского*). Основанием для такого вывода служит то, что в *Ксв* была использована одновременно *История Иудейской войны* Иосифа Флавия. Вместе с *Александрией* она входила в состав *Иудейского Хронографа*, посредством которого оба произведения использовались составителями Галицкой части *Галицко-Волынской летописи*. См.: Вилкул Т.Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.). *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 13. М., 2008, 436.

50 Вилкул Т.Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в., 433–436.

51 Доклад А.П. Толочко «Панегирик Рюрику Ростиславичу и структура Киевской летописи» на настоящей конференции.

(2). Общий текст *Ипат.–Лавр.* представляет собой более простой и фактографический нарратив. В отличие от (1), он более сконцентрирован на событиях собственно киевских, тогда как *Ксв* в целом имеет скорее характер общерусской истории. Со второй половины XII в. (а именно с 1160-х гг.) общий текст меняет характер — тут представлен владимирский свод. Этот последний пользовался киевским летописным нарративом, включающим (1), но позже сам был использован в Киеве при составлении *Ксв*. Таким образом, киевский нарративный источник общего текста простирался где-то до середины XII в. (вероятно, до конца 1160-х гг.).

Отталкиваясь от исследования Т.Л. Вилкул общего текста *Ипат.–Лавр.*, видно как в *Ксв* нарастал и усложнялся текст более простого и фактографического нарративного тела летописи. В текст добавлялись многочисленные «речи» князей и дружины, описания посольств между князьями, разъяснения планов и даже мыслей участников событий. Многое из этого, на самом деле, не детали, записанные современником, и даже не припоминания, а довольно искусные распространения. В них нет ничего, безусловно выдающего современника. Как иллюстрацию можно отметить такую псевдо-деталь, как княжеский «обед» — элемент стабильной структуры описания дружественных встреч князей. Особенно в статьях середины XII в. (начиная с 1142 г.) князья регулярно обедают, после чего с завидным постоянством отмечается: «и пребыша оу велицѣ весельи и оу велицѣ любви». Такие клишированные описания княжеских встреч встречаются до 1195 г. и отражают, по всей видимости, руку составителей *Ксв*⁵². В то же время, большинство фактографических деталей (по крайней мере, до второй половины XII в.) относятся именно к (2), т.е. более раннему нарративу.

Важно заметить, что наряду с внутренними, у нас есть два «внешних» критерия отделения настоящих фактографических деталей от фиктивных, опирающихся на параллельные тексты и источники *КЛ*. Во-первых, как было отмечено выше, критерием «настоящей детали» служит ее принадлежность к общему тексту *Ипат.–Лавр.* Во-вторых, все «фиктивные детали» (речи, посольства, бытовые подробности, характеристики князей) относятся к фрагментам, заимствованным или смоделированным по хронографическим образцам (преимущественно повлияла *Александрия*)⁵³. Наложение двух критериев (общий текст *Ипат.–Лавр.* и хронографические вставки) дает надежный инструмент в выделении двух основных разновременных слоев нарративного тела *КЛ*.

52 В.Ю. Франчук, следуя за Б.А. Рыбаковым, видит в этом клише руку Петра Бориславича, якобы ведшего княжескую летопись с 1146 до 1196 г. Франчук В.Ю. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении*, 83.

53 Вилкул Т.Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.), 425–446; Вилкул Т.Л. О хронологических источниках Киевского летописного свода. *ТОДРЛ* (в печати). Благодарю автора за возможность ознакомиться с этой работой в рукописи.

В качестве примера можно привести отрывок из статьи 1147 г., из фрагмента о гибели Игоря Ольговича в Киеве. Приведем ниже параллельные тексты *Ипат.* и *Лавр.*, а также выделим места в *Ипат.*, связанные с *Александрией*⁵⁴.

Ипат. (л. 129-129 об.)

и тако из народа стоащѣ възрѣша Игоря вбѣгша въ Мьстиславль дворь . и тако наро⁵⁴ двигнушася . и выломиша ворота и тако побиха Игорь же побиваемъ **ре⁵⁵ влѣко в роуцѣ твои прѣдаю тебе дѣхмои**⁵⁰ . прими в мирь твои дѣшо мою . незаконнии же . немлѣтивии побивше . и ѿиноудь тѣло его . наго вставиша и поверзъше оужемъ за ногы . оуворозиша . и **ѣще живоу соущоу емоу рѣгаощеса црьскомо и с⁵⁶еномѣ тѣлоу**⁵¹ . и волокоша и съ Мьстиславла двора чересь Бабинь торжекъ на кнѣж дворь и тоу прикончаша и . и тако скончаша и Игоря кнѣза сѣна Ѡлгова . башеть бо добрый и поборникъ ѿчѣства своего . в рѣцѣ Бѣи преда дѣхъ свои . и съвлѣкъся ризы тлѣннаго члѣва . и в нетлѣнноую . и многострѣтноую ризоу вболкъса Хса ѿ негоже и вѣнцаса въсприемъ мѣνια нетлѣннии вѣнечъ [...] и ѿтоуда възложиша и на кола и везоша и на Подолье на торговице и повергоша пороуганью . незаконнии несъмыслении . ѿслѣплении ѿцима . своима . **вѣдоуще яко мьститель есть Бѣ и взищеть крови неповиннаго**⁵² . члѣвци же блгѣвѣрнии . приходяще взимахоу ѿ крове его и ѿ прикрова соущаго на немъ . на тѣлѣ его . на спѣние себе . и на исцѣление . **и покрывахоуть . наготову телесе его своими ѿдежами**⁵³

Лавр. (л. 106)

и выломиша ворота . и вшедше въ дворь . оузрѣша Игоря на сѣне⁵⁷ и разбиша сѣни ѿ не⁵⁷ . и сомчаша и с сѣнии . и ту оубиша и конецъ всходь . и за тѣмъ оутече Михаль .

а Игоря поверзъше за нозѣ волокоша и сквозѣ Бабинь торжекъ . до стоес Бѣи . и ту вбрѣтоша мужа стоаща с колы

и возложше и на кола везоша и на Подолье

Итак, хронографические заимствования (выделены жирным) встречаются только во фрагментах, отсутствующих в общем тексте *Ипат.*–*Лавр.* (подчеркнуты). Они вставлены в пространные отступления, заключающие в себе: слова/молитву Игоря, панегирик князю, красочное описание надругательств людей над «священным телом», псевдо-подробности («царская ругань»). Все эти особенности присущи текстам составителей *Ксв.* стилистически связанным между собой. В то же время, текст *Лавр.* сообщает действительные подробности события (напр., «разбиша сѣни ѿ не⁵⁷ . и сомчаша и с сѣнии . и ту оубиша и конецъ всходь»), более связный и, можно полагать, исправнее отражает слой летописного нарратива, предшествующий слою конца XII в.

Впрочем, в других местах при сличении *Лавр.* и *Ипат.*, можно заметить, что общий текст, отраженный в *Лавр.*, не полный. Например, под 1160 г. в обеих летописях имеется рассказ о противостоянии Изяслава Давидовича в союзе с половцами и Святослава Ольговича с союзными князьями в Черниговской земле. Описывая дружественные Святославу силы общий текст *Ипат.*–*Лавр.* указывает, что была и «галичская помощь». Ниже под тем же

54 Нижеследующие сопоставления основаны на наблюдениях Т.Л. Вилкул (Вилкул Т.Л. О хронологических источниках Киевского летописного свода . *ТОДРЛ* (в печати).

55 «и се рекъ Дарин, издыше духъ преда Александрови в роуцѣ».

56 «аще бо пришедъ Александръ нынѣ, црь макидонскыи, обрящет мя оубиена, црь цревом тѣломъ мьстити имать... оставивша Дария еле жива суца».

57 См. предыдущую ссылку.

годом в рассказе о дальнейших усобицах черниговских князей упомянута «муромская помочь». В статье 1155 г. выражение «галичская помочь» также имеется в общем тексте. Такие выражения (притяжательное от названия города + «помочь») редки и встречаются на довольно ограниченном промежутке (1155–1168 гг.). Вероятнее всего, они оставлены одной рукой. Тем не менее, ниже в статье 1160 г. *Inam.* выражение «галичская помочь» употреблено вне общего текста *Inam.*–*Лавр.*; то же — в статье 1158 г. Однако подозревать вставку нет оснований. Во всех случаях выражения употреблены в однотипных «воинских» рассказах, не содержащих явных внутренних границ, хронографических вставок, характерных для составителей свода клише.

Такой пример не единичен: наблюдается некая системность. Это указывает на то, что *Лавр.* не может быть безоговорочным контрольным текстом для *Inam.* И та, и другая летописи сохранили нарратив, предшествующий *Ксв.*, с изменениями. В *Inam.* — он расширен, в *Лавр.* — сокращен. В общем, наиболее полное представление о более раннем нарративе можно получить, дополняя критерий хронографических вставок и общего текста наблюдениями над внутренними особенностями *Inam.*

В целом, тексты, относящиеся к творчеству составителей *Ксв.*, вставлены в летопись единовременно. То же, вероятно, следует предполагать и в отношении более раннего нарратива *КЛ*, отразившегося в общем тексте *Inam.*–*Лавр.* Таким образом, возможность занесения в летопись пространных описаний событий вереницей сменявших друг друга официальных княжеских летописцев можно признать очень сомнительной.

Об основаниях «общего знания» о *КЛ*. На фоне выше сказанного нелишне вспомнить характер аргументов в пользу Выдубицкого происхождения *КЛ*. Они известны давно, добавить можно немного. И, как ни странно, аргументы стандартны: лояльность к Ростиславичам и особенно Рюрику, связь Рюрика с монастырем (из него происходил духовник князя), внимание к монастырю в летописи в последних статьях, где описывается строительство подпорной стены монастыря.

Политическая лояльность, историческая вероятность, внимание к монастырю — это те критерии, которые нередко критикуют как ненадежные (что было проделано и в данной работе) и которыми, между прочим, попрекают А.А. Шахматова и его последователей. Но в конкретной ситуации тезис о выдубицком происхождении *Ксв* вряд ли кто-то возьмется всерьез оспаривать. Критерии и их комбинация в этом случае работают. Видимо, дело не только в самих критериях, а в том, насколько корректно, уместно и системно они применяются на конкретном материале.

В конце концов, не станем уходить от одного из возражений, которые могут возникнуть как реакция на наши размышления. Где неопровержимые доказательства Выдубицкого происхождения свода? Коль скоро мы сомнева-

емся в печерском летописании, почему бы не усомниться и в выдубицком? Попробуем ответить. Здесь работает «аргумент финала» — то, как летопись закончена. Она заканчивается панегириком Рюрику в связи с его строительной деятельностью и помощью Выдубицкому монастырю в возведении подпорной стены. Финал *КЛ* не есть случайный обрыв, а продуманное завершение свода. Пусть монастырь св. Михаила упоминается по ходу текста реже, чем Печерский. Пусть в летописи нет рассказов из внутренней жизни обители. Но именно в финале сводчик мог проявить себя. Что он и сделал. Выдубицкий адрес *Ксв* — тезис, на котором сходится историография независимо от основных разломов, ее разделяющих (как, например, отношение к концепциям А.А. Шахматова). Он должен служить исходной посылкой. Признание же отражения в Выдубицком своде печерского или иных монастырских летописаний может происходить только тогда, когда «печерские» (или какие-то еще) фрагменты нельзя объяснить иначе. Увы или к счастью, можно.

Если представить историю летописи как путешествие, то отправным пунктом путешествия киевской летописи после *Повести* оказывается Выдубицкий монастырь. Характерно, что конечным пунктом был этот же монастырь. Как мы видели, судить о промежуточных остановках не представляется возможным; нельзя доказать перенесение летописания в Печерский монастырь или печерскую идентичность кого-либо из летописцев. Настолько же проблематичным остается вопрос о летописании в других монастырях, например, Андреевском. В этой ситуации наиболее логичным представляется объяснение, существующее уже давно (впервые высказанное, кажется, Д.И. Иловайским⁵⁸), о том, что летопись на всем протяжении XII в. находилась в Выдубицком монастыре.

Інститут історії України НАН України

58 Иловайский Д. *История России*. Ч. 2. М., 1880, 339–340.